Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

ШЕЙХ. ВДОВА ЕГО БРАТА

Евгения Близкая

Шейх. Вдова его брата

«Автор»
«Автор»
2026

Близкая Е.

Шейх. Вдова его брата / Е. Близкая — «Автор», «Автор», 2026

Она — иностранка, вдова его брата. Он — новый эмир, безжалостный и могущественный. По древнему закону аманат она теперь его собственность. Элеонора не сдастся: она борется за свой фонд и свободу. Но чем сильнее сопротивление, тем ярче пламя страсти. Интриги, предательство, восточная роскошь и всепоглощающая любовь. Сможет ли гордая англичанка укротить шейха пустыни? Или он покорит её сердце навсегда?

© Близкая Е., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Ольга Шиллинг, Евгения Близкая
Шейх. Вдова его брата

Шейх. Вдова его брата
Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

Глава 1

Я вцепилась в ремешок сумочки, когда Валиде указала мне место между двумя гвардейцами. Запах ладана и тяжелых розовых масел, которым был пропитан Зал Советов, казался невыносимо густым, почти осязаемым. Он оседал на языке горечью, напоминающей о том, что всё кончено. Похороны моего мужа, шейха Мансура, правителя эмирата Аль-Кадир — человека, которого я уважала, с которым строила благотворительную империю, но которого никогда по-настоящему не любила, — завершились час назад. Теперь я стояла в центре огромного зала, выложенного черным мрамором, словно подсудимая перед трибуналом.

Дворец, который три года был моим полем битвы за финансирование клиник и школ, внезапно сбросил маску цивилизованности. Мой статус директора крупнейшего на Ближнем Востоке фонда больше ничего не значил в этих стенах без защиты брака.

— У тебя есть двадцать четыре часа, — голос Валиде, шейхи Надии, матери моего покойного мужа, разрезал тяжелую тишину зала. Она сидела в резном кресле, покрытая черным шелком, и смотрела на меня с нескрываемым, торжествующим презрением. — Завтра в полдень ты покинешь пределы эмирата. Твои вещи уже собирают.

Я сжала пальцы в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Мое черное платье, сшитое по строгим европейским лекалам, казалось броней, которая вот-вот треснет под давлением их ненависти.

— Мой фонд ведет три международных проекта, госпожа, — я выговорила каждое слово, удерживая взгляд Валиде. Здесь я представляла врачей и доноров. Они рассчитывали на меня. — Запуск онкологического центра в северной провинции назначен на следующий месяц. Мне нужно минимум два месяца на полный аудит и передачу дел, прежде чем я смогу...

— Ты не слышала меня, иностранка? — Валиде подалась вперед, её увешанные тяжелым золотом пальцы вцепились в подлокотники. — Фонда больше нет. Твои западные игрушки закрыты. Деньги моего покойного сына вернутся в казну семьи. А ты исчезнешь, словно тебя никогда здесь не было.

Холод сковал мой позвоночник. Уничтожить фонд? Похоронить годы изматывающей работы, тысячи спасенных жизней детей ради мелкой придворной мести? Я резко повернулась к полукругу старейшин правящего дома Аль-Касим, сидевших в тени мраморных колонн. Во главе их восседал шейх Абдулла аль-Халиди. Эти мужчины с седыми бородами еще неделю назад почтительно кивали мне, обсуждая налоговые льготы.

— Совет не может это допустить, — твердо сказала я, глядя им в лица. — У нас подписаны меморандумы с ООН. Вы нарушаете нормы международного права. Если вы закроете счета, разразится дипломатический скандал. Я требую соблюдения юридических процедур.

Но они молчали. Шейх Абдулла аль-Халиди тяжело опустил веки. Один за другим почтенные старейшины отворачивали лица, пряча глаза под краями головных платков. Я переводила взгляд с одного на другого и каждый раз упиралась в подставленную щеку. Я была одна в этом мраморном склепе.

— Твое право здесь — пыль, — презрительно бросила Валиде. — Стража. Уведите её в старое крыло и проследите, чтобы она не взяла ни одной вещи из казны эмирата.

Двое гвардейцев в парадной форме шагнули ко мне, их руки тяжело легли на рукояти кинжалов. Я сделала шаг назад, лихорадочно соображая, как добраться до посольства.

И в этот момент массивные двери Зала Советов с грохотом распахнулись.

Удар тяжелых створок о каменные стены эхом прокатился под сводами. Гвардейцы мгновенно замерли и склонили головы. Старейшины, как по команде, вскочили со своих мест.

В зал вошел он. Новый эмир, шейх Тарик бин Зайд аль-Касим. Младший брат моего покойного мужа Мансура.

Его фигура, затянутая в глубокий траурный черный бишт, казалась вырубленной из темного обсидиана. Тарик двигался бесшумно, но с такой пугающей, первобытной грацией, что воздух в зале мгновенно стал тяжелым, предгрозовым. Я видела его всего несколько раз за эти годы — он всегда держался в тени, управляя силовым блоком страны, холодный, жестокий и абсолютно непроницаемый.

Но сейчас, когда он шел мимо меня к центру зала, я почувствовала обжигающую волну его энергии. От него пахло пустыней, горьким кофе и дорогим табаком — терпкий мужской запах, который заставил мое сердце пропустить удар.

Валиде медленно поднялась, её лицо побелело, но она попыталась сохранить властный тон: — Тарик, сын мой. Совет уже принял решение. Эта женщина покинет Аль-Кадир...

— Совет не принимал никаких решений без моего приказа, мать, — голос Тарика был тихим, низким, с легкой хрипотцой, но он заполнил собой всё пространство зала. Гвардейцы вытянулись по стойке смирно, хотя он обращался к матери.

Эмир остановился в нескольких шагах от меня. Его темные, почти черные глаза медленно скользнули по моему лицу, по шее, задерживаясь на ключицах, не скрытых тканью западного платья. Этот взгляд был тяжелым, как свинец, и в нем скользило что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание. Нечто голодное. Собственническое.

— Приказ о высылке отменяется, — произнес он, не отрывая от меня глаз.

В зале повисла мертвая тишина. Валиде задохнулась от возмущения: — Она чужая! Она позорит память твоего брата своими западными порядками! По какому праву...

— По закону аманат, — ледяным тоном оборвал её эмир.

Старейшины ахнули. Я нахмурилась, пытаясь вспомнить этот термин из лекций по местному праву. Аманат... священное опекунство. Древний бедуинский закон, по которому вдова брата переходит под абсолютную, непререкаемую защиту следующего мужчины в роду.

— Я не нуждаюсь в опекунстве! — мой голос дрогнул от возмущения. — Я гражданка Великобритании, Элеонора Уорд. У меня есть свои права. Я улетаю завтра же, но я требую аудита фонда!

Я сунула руку в сумочку, лихорадочно доставая свой темно-красный британский паспорт на имя Eleanor Ward. Мой единственный щит в этом диком мире. — Если вы попытаетесь меня удержать силой, через час здесь будет консул, — я подняла паспорт, как оружие. — Вы не можете держать меня здесь по каким-то древним законам.

Эмир подошел ко мне. Тарик оказался так близко, что я ощутила жар его огромного тела. Прежде чем я успела отреагировать, его длинные, сильные пальцы перехватили мое запястье. Я потянула руку к себе. Хватка стала плотнее — как капкан, из которого невозможно вырваться.

Вторым движением он мягко, почти лениво вытащил паспорт из моих онемевших пальцев.

— Консул подождет, — его шепот коснулся моего уха, заставив кожу покрыться мурашками. Он небрежно бросил мой паспорт на тяжелый дубовый стол. Темно-красная книжечка скользнула по полированному дереву и остановилась. Моя свобода. Моя жизнь.

— Вы не имеете права... — я дернулась, пытаясь высвободить руку, но Тарик лишь чуть сильнее сжал пальцы, его большой палец медленно погладил пульсирующую венку на моем запястье. Это было настолько интимно и пугающе, что у меня пересохло в горле.

— Ты моя подопечная. Твоя безопасность, твоя жизнь и твой фонд — теперь моя забота, — громко, чтобы слышали все, произнес эмир. Затем он повернулся к начальнику гвардии. — Перенести вещи леди в мои главные покои.

— Что?! — я задохнулась. — Я не буду жить в ваших покоях!

Я попыталась развернуться и пойти к выходу. Я должна была уйти отсюда прямо сейчас. Но стоило мне сделать два шага, как у тяжелых резных дверей мгновенно сомкнулись четверо гвардейцев. Лезвия их алебард скрестились с тихим металлическим лязгом. Путь был отрезан.

— Никто не причинит тебе вреда под моей крышей, — эмир смотрел на меня сверху вниз, и в глубине его темных глаз плясало мрачное удовольствие. — Проводите мою подопечную в её новые комнаты. Ей нужно отдохнуть.

Гвардейцы отвели меня сначала в старое крыло, чтобы я забрала личные вещи. Один остался у двери; второй велел прислуге закончить сборы и ждать распоряжения эмира.

Старые покои, в которых я прожила три года, казались теперь совершенно чужими. Мой чемодан стоял посреди комнаты, наполовину собранный, брошенный прислугой Валиде. Я мерила шагами ковер, как загнанная в клетку пантера.

В его спальню. Он приказал перенести мои вещи в свою личную спальню. Он объявил это перед старейшинами, а теперь его гвардеец стоял у моей двери. Даже место, где я буду спать, выбирал Тарик. Он хотел сломать меня. Подчинить.

Я бросилась к прикроватной тумбочке и схватила стационарный телефон. Гудок отсутствовал. Линия была мертва. Я вытащила свой личный мобильный — "Нет сети". Глушилки во дворце работали на полную мощность.

Дыхание участилось. Паника холодной змеей свернулась в животе. Я должна связаться с юристами в Лондоне. Пусть готовят обращение в консульство и проверяют, что происходит с нашими счетами.

Мой взгляд упал на старый медный внутренний коммутатор, висящий на стене — реликт прошлых эпох, который использовали для вызова прислуги. Я сняла тяжелую трубку и нажала кнопку связи. Раздался треск, а затем сухой мужской голос:

— Пост охраны покоев Эмира. Слушаю.

Я сглотнула и бросила трубку. Он отрезал меня от всего мира. Линия выведена только на его цепных псов.

Глава 2

Дверь тихо скрипнула. В комнату скользнула молодая служанка с опущенной головой. Она несла стопку свежих полотенец, стараясь не смотреть на меня. Я шагнула к ней, преграждая путь.

— Послушай меня, — я заговорила быстро, понизив голос до шепота. — Как тебя зовут? Амира?

Она испуганно кивнула, прижимая полотенца к груди.

Я достала из кармана свое кольцо — крупный бриллиант огранки "принцесса", подарок Мансура на помолвку, который казначей Валиде потребовал сдать в сокровищницу вместе с описью покоев, но который я всё еще упрямо прятала при себе. Камень холодно блеснул в полумраке комнаты.

— Возьми это, — я вложила кольцо в её дрожащую ладонь и сжала её пальцы. — Оно стоит больше, чем ты заработаешь здесь за десять лет.

Я быстро написала на листке с дворцовым гербом адрес консульства и просьбу связаться со мной, сложила бумагу и протянула ей.

— Мне нужно, чтобы ты отнесла эту записку в британское консульство. Никто не узнает. Ты просто выйдешь через восточные ворота на рынок...

Глаза Амиры расширились. Она посмотрела на кольцо, затем на меня. В её взгляде мелькнула жадность, смешанная с первобытным страхом. Она быстро кивнула, сунула кольцо в складки платья, низко поклонилась и выбежала из комнаты, не сказав ни слова.

Я рухнула в кресло, прикрыв глаза руками. Сердце колотилось в груди. Если она донесет записку... если консул вмешается... у меня есть шанс. Я не отдам свой фонд. Я не стану безвольной игрушкой по закону аманат.

Ожидание тянулось бесконечно. Прошел час. Затем второй. Тишина во дворце давила на барабанные перепонки.

Когда дверь снова открылась, я резко вскочила. На пороге стояла старшая камеристка из крыла Валиде. На её губах играла издевательская, злая улыбка. В руках она держала небольшой серебряный поднос.

Она подошла ко мне и молча протянула поднос. На тусклом серебре, рядом с аккуратно сложенным квадратиком моей нераспечатанной записки, лежало мое бриллиантовое кольцо.

— Госпожа Надия просила передать, — елейным голосом произнесла камеристка, — что в нашем дворце не принято давать чаевые прислуге столь безвкусными западными стекляшками.

Она поклонилась и вышла, оставив меня стоять с подносом в руках.

Воздух в легких закончился. Предательство было ожидаемым, но оно ударило под дых. Меня переиграли. Старые слуги Валиде всё еще контролировали каждый вздох в этом крыле. Моя физическая изоляция была абсолютной.

Я с яростью швырнула кольцо в стену. Оно со звоном отскочило от мрамора и закатилось под кровать.

Дверь снова распахнулась, но на этот раз без стука.

Я резко обернулась, готовая кричать на камеристку, но слова застряли в горле.

В дверях стоял эмир. Тарик успел сменить тяжелый церемониальный бишт на простую, но безупречно скроенную темную рубашку с закатанными рукавами и темные брюки. В его руке была маленькая фарфоровая чашка, от которой поднимался ароматный пар.

Он вошел в комнату, словно был здесь хозяином — впрочем, так оно и было. Его шаги были неслышными. Я инстинктивно попятилась, пока мои бедра не уперлись в край тяжелого стола.

— Ты нервничаешь, — его голос был бархатным, глубоким, обволакивающим. Он подошел вплотную, возвышаясь надо мной, как скала. От него исходила сумасшедшая мужская сила, которая заставляла мои инстинкты кричать об опасности, но при этом странным образом парализовала волю.

Он поставил чашку на стол рядом с моим бедром.

— Крепкий кофе. С кардамоном. Как ты любишь, когда работаешь допоздна, — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

Меня бросило в жар. Откуда он знает? Наши разговоры за три года сводились к приветствиям. Он годами был лишь молчаливой тенью за спиной брата.

— Мне не нужен ваш кофе, — я вздернула подбородок, стараясь не показать, как дрожат мои руки. — Мне нужен мой паспорт.

Эмир усмехнулся. Это была жесткая, хищная улыбка, от которой на его щеке обозначилась глубокая ямочка. Тарик поднял руку и медленно, почти нежно провел костяшками пальцев по моей пылающей щеке. Я вздрогнула от этого прикосновения — его кожа была горячей, жесткой.

— Твои попытки купить верность в моем дворце за бриллианты Мансура — очаровательны, Элеонора, — прошептал он, наклонившись так близко, что я чувствовала его дыхание на своих губах. — Но ты забываешь одну вещь, моя подопечная. Здесь всё принадлежит мне. Включая тебя. Пей кофе. Вечером за тобой придут.

Он развернулся и вышел, оставив меня задыхаться от смеси гнева, страха и чего-то еще, темного и пульсирующего глубоко внизу живота.

Вечерний вызов так и остался обещанием. За дверью сменился караул, слуги унесли упакованные вещи, оставив мне чемодан с косметичкой. Я дождалась, пока их шаги стихнут.

Ночь опустилась на дворец, принеся с собой обманчивую прохладу. Я сидела на полу в гардеробной, включив только тусклый свет бра. Если он думает, что сломал меня, оставив без связи, он глубоко ошибается. Три года я пробивала финансирование клиник в регионе, где женщинам до сих пор указывают их место. У меня оставался еще один способ добраться до денег фонда.

Мой чемодан лежал передо мной. Я достала из косметички острые маникюрные ножницы и вонзила их в плотную шелковую подкладку на дне чемодана. Ткань с треском разошлась. Я просунула руку в двойное дно и нащупала холодный металл.

Плоский, бронированный спутниковый крипто-ноутбук. Моя личная паранойя, которая сейчас должна была спасти всё.

Я вытащила его, убрала обрывки подкладки и открыла крышку. Экран мигнул и засветился бледным светом. Система загружалась. Мой план был рискованным, но единственно верным: я должна перевести все свободные активы фонда — более восьмидесяти миллионов долларов — на резервные оффшорные счета в Швейцарии, к которым есть доступ только у меня и моего британского заместителя. Если Валиде попытается наложить лапу на фонд, она найдет там лишь пыль.

Я подключила спутниковый модем и потянула провод внешней антенны к узкому окну гардеробной. Отодвинула створку, положила антенну на наружный выступ и вернулась к экрану. Значок сети мигал красным: глушилки забивали сигнал.

"Давай же... давай..." — шептала я, кусая губы.

Полоска сигнала дернулась и стала желтой. Есть соединение. Слабое, нестабильное, но есть. Я запустила протокол авторизации банка "Ломбард Одье". Ввела двадцатизначный пароль, приложила палец к сканеру.

Экран моргнул и выдал зеленый свет. Счета загрузились. Я быстро вбила сумму перевода и реквизиты. Нажала "Подтвердить".

Система зависла на секунду, а затем вывела всплывающее окно: *ТРЕБУЕТСЯ АВТОРИЗАЦИЯ ВТОРОГО ДИРЕКТОРА. ОЖИДАНИЕ ГОЛОСОВОГО КОДА.*

Черт. Швейцарцы обновили протоколы безопасности на прошлой неделе. Мне нужен голос моего зама, Джона. А он сейчас спит в Лондоне, и я не могу ему позвонить.

Я лихорадочно открыла папку с аудиоархивами фонда. Джон ненавидел читать отчеты и всегда присылал мне голосовые заметки. Я нашла файл трехдневной давности, включила редактор и быстро нарезала нужные слова: "Джон... Смит... Авторизую... транзакцию... код... альфа-семь".

Склеив куски, я поднесла динамик ноутбука к микрофону и нажала play. Искусственно слепленная фраза прозвучала слегка синтетически.

Программа безопасности банка "думала" пять бесконечных секунд. По моему лбу скатилась капля пота. Если система отвергнет голос, счета будут заблокированы на 48 часов, и Валиде успеет всё забрать.

ГОЛОСОВОЙ КОД ПРИНЯТ. ОБРАБОТКА ТРАНЗАКЦИИ.

Я шумно выдохнула, откинув голову на дверцу шкафа. Полоса загрузки поползла вправо. Десять процентов. Сорок. Семьдесят. Спутниковый сигнал дрожал, но держался. Девяносто девять процентов.

Осталась одна доля секунды. Я почти видела, как миллионы долларов улетают в безопасную гавань швейцарских Альп.

Внезапно экран ноутбука моргнул и залился тревожным кроваво-красным цветом. *ИСХОДЯЩИЕ ПЕРЕВОДЫ ПРИОСТАНОВЛЕНЫ. ОПЕРАЦИЯ ОТМЕНЕНА.*

Я уставилась на экран и проверила значок спутника: сигнал сохранялся. Отказ пришел из банка. Кто-то остановил перевод в тот миг, когда я уже считала деньги спасенными.

Позади меня раздались тихие шаги.

Я резко обернулась. Эмир стоял в дверях гардеробной. Он опирался плечом на косяк, скрестив руки на груди. Я сидела с открытым ноутбуком у шкафа, а он дал мне время самой понять, что произошло. Его глаза в полумраке казались двумя черными провалами.

Он медленно подошел ко мне, опустился на одно колено, оказавшись со мной на одном уровне. От него пахло ночью и опасностью.

Я инстинктивно попыталась закрыть экран ноутбука, но его большая, тяжелая ладонь легла поверх моей руки, останавливая. Его пальцы были горячими и жесткими. Он посмотрел на красный экран, затем перевел взгляд на мои испуганные, расширенные глаза.

— У тебя отличный заместитель, — произнес он низким, бархатным шепотом, от которого вибрировал воздух. — И ты великолепно справляешься с аудиоредакторами. Но есть одна проблема.

Он медленно, неумолимо надавил на мою руку, заставляя меня опустить крышку ноутбука. Раздался тихий щелчок закрывающегося замка.

— Час назад, — продолжил эмир, глядя прямо в мою душу, — мои люди физически изъяли все серверы твоего фонда из центрального офиса. Сейчас они стоят в подвалах этого дворца, за двойными стальными дверями. Доступ к рабочим документам фонда теперь контролирую я. А банк получил мое распоряжение остановить исходящие переводы до утра. Ты не выведешь оттуда ни цента.

Глава 3

Я прижала закрытый ноутбук к коленям, раздавленная осознанием его абсолютного превосходства. Пока я резала подкладку чемодана, он уже разговаривал с банком. Он знал о моих серверах. Должно быть, он позволил мне попытаться, дойти до девяноста девяти процентов, чтобы показать, что я полностью в его власти.

— Зачем? — прошептала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются злые слезы бессилия. — Зачем вам это? Заберите деньги и отпустите меня!

Эмир протянул руку и аккуратно, кончиком большого пальца, стер единственную слезинку, скатившуюся по моей щеке. Его прикосновение обожгло кожу.

— Завтра утром, — сказал он, поднимаясь во весь свой огромный рост, — за тобой придут. Будь готова.

Он развернулся и растворился в темноте коридора, оставив меня на полу гардеробной, с бесполезным куском железа на коленях и колотящимся от ужаса и странного, больного возбуждения сердцем.

Я убрала антенну, закрыла окно и до рассвета просидела у чемодана.

Утром пальцы затекли так, что я с трудом расстегнула платье. Все ночные расчеты свелись к одному: я проиграла. Серверы у него. Счета, скорее всего, арестованы. Валиде получила то, что хотела. Мой фонд мертв.

Когда за мной пришли двое вооруженных гвардейцев, я даже не стала сопротивляться. Я надела самое строгое темно-синее деловое платье, собрала волосы в тугой узел и пошла по длинным, выложенным мозаикой коридорам дворца, как идут на эшафот. Я должна была попытаться выторговать хотя бы безопасность для своих сотрудников — врачей, учителей, инженеров, которые поверили мне.

Меня ввели не в Зал Советов, а в личный кабинет эмира.

Это было помещение, подавляющее своей мужской энергетикой. Массивное темное дерево, огромные окна в пол, за которыми расстилалась бескрайняя золотая пустыня. За стеклянной перегородкой в углу тихо гудели серверные стойки. Ночью он сказал, что наши серверы в подвале; я всё равно искала знакомые наклейки на этих корпусах.

Эмир сидел за огромным столом, просматривая какие-то документы на планшете. На нем была белоснежная кандура, подчеркивающая смуглую кожу и широкие плечи. Когда двери за мной закрылись, он даже не поднял головы.

Я подошла к столу. На полированном дереве веером лежали распечатки. Я узнала их сразу — журнал моей ночной попытки перевода. Только сейчас на них стоял жирный красный штамп: "БАЛАНС НЕДОСТАТОЧЕН. СЧЕТА ОБНУЛЕНЫ".

Мое сердце рухнуло вниз. Валиде успела. Она вывела деньги.

— Я беру всю ответственность за ночную попытку перевода на себя, — мой голос прозвучал неестественно громко в тишине кабинета. Я оперлась ладонями о край его стола, стараясь не выдать дрожи. — Мои сотрудники ничего не знали. Джон Смит в Лондоне не причастен. Если вам нужна показательная жертва за "кражу", судите меня. Но не трогайте людей. И не закрывайте проекты, там тысячи больных детей.

Эмир медленно отложил планшет. Он откинулся на спинку кожаного кресла. Его взгляд, как физическое прикосновение, скользил по моей напряженной фигуре, по побелевшим костяшкам пальцев, сжимающим край стола. Он смотрел долго, словно мог ждать здесь целый день. Я переступила с ноги на ногу, а его взгляд вернулся к моему лицу. От этого терпения мне становилось страшнее, чем от угроз.

Он молча взял со стола свой планшет и резким движением скользнул им по гладкому дереву в мою сторону.

Я недоуменно опустила взгляд на экран. Это была выписка из системы безопасности "Ломбард Одье". Мои счета.

Я моргнула, не веря своим глазам. Я придвинула планшет ближе. Вместо нуля на экране стояла сумма почти втрое больше вчерашней.

Двести пятьдесят миллионов долларов.

— Я не понимаю, — прошептала я, чувствуя, как пол уходит из-под ног. — Валиде... она же...

— Шейха Надия не имеет доступа к этим счетам, — голос Тарика был глубоким, раскатистым. — Остаток перенесли на новый защищенный счет фонда под моим личным протекторатом. На распечатках — прежний счет, поэтому там ноль. А ночью я распорядился добавить транш из моих личных резервов.

Я уставилась на него, не в силах осознать услышанное. Двести пятьдесят миллионов. Этого хватит, чтобы построить еще десять клиник. Чтобы обеспечить фонд на десятилетия вперед.

— Вы... вы профинансировали мой фонд? — мой голос сорвался. — Зачем? Это... это покупка? Вы покупаете мою свободу? Вы думаете, что бросив мне столько денег, я стану покорной наложницей по закону аманат?! Я не продаюсь!

Я в бешенстве оттолкнула планшет обратно к нему.

— Я отказываюсь от этих денег! Если это цена за то, чтобы я молча сидела в ваших покоях...

Тарик резко подался вперед, его глаза вспыхнули темным огнем. — Твоя свобода, — жестко, чеканя каждое слово, произнес он, — никогда тебе не принадлежала в этой стране. И мне не нужно её покупать. Она и так моя. По праву.

Он поднялся, обошел стол и встал вплотную ко мне. Я инстинктивно вжалась бедрами в край стола, но отступать было некуда. Эмир возвышался надо мной, подавляя своей физической мощью.

— Эти деньги, — он оперся руками о стол по обе стороны от моих бедер, запирая меня в ловушку своих рук, — инвестиции в твои мозги. В твой профессионализм. Я видел, как ты работаешь. Я знаю, на что ты способна. Твой фонд получает полную, безоговорочную финансовую и оперативную автономию. Ты будешь подчиняться только мне. Моя мать больше никогда не смеет вмешиваться в твои дела.

Он был так близко, что я чувствовала запах его кожи, видела каждую темную ресничку, каждую жесткую линию его губ. Мое дыхание сбилось, грудь тяжело вздымалась, едва не касаясь его кандуры.

— Почему? — выдохнула я, глядя в его невероятные, затягивающие, как омут, глаза. — Почему вы защищаете меня от собственной семьи?

Тарик долго смотрел на мои губы, его челюсть напряглась, словно он сдерживал себя из последних сил.

— Подпиши бумаги на столе, — хрипло приказал он, отстраняясь на несколько дюймов, давая мне глоток воздуха. — И мы пойдем в твои новые покои.

Я прочла условия финансирования: суммы, полномочия, порядок отчетности. Затем дрожащей рукой взяла ручку и вывела свою подпись — «Элеонора Уорд» — на плотной бумаге контракта с гербом правящего дома Аль-Касим, признавая свое поражение, которое странным образом обернулось колоссальной победой для дела моей жизни. Я спасла фонд. Но я продала душу дьяволу в белоснежной кандуре.

Тарик взял бумаги, аккуратно сложил их в папку. Затем положил ладонь на мою спину — жесткое, собственническое прикосновение, от которого по телу прокатилась волна сладкой дрожи, — и повел меня к дверям.

У выхода он повернул меня к массивным резным дверям, ведущим в смежное с кабинетом помещение.

Я замерла на пороге, не в силах сделать ни шагу.

Это была спальня. Огромная, роскошная мужская спальня в темных тонах. Посреди нее стояла гигантская кровать под шелковым балдахином. Я смотрела мимо кровати — на знакомый рукав, свешивающийся с подлокотника.

На тяжелых креслах, на банкетке у изножья кровати, в открытых дверях огромной гардеробной — везде были разложены мои вещи. Мои платья висели рядом с его рубашками. Мои духи стояли на туалетном столике рядом с его тяжелым одеколоном. Запах его тела и моего парфюма уже смешался в этом воздухе, создавая невероятно интимную, удушающую атмосферу.

Рядом с его раскрытой книгой лежали мои очки для чтения. В его личной спальне для меня уже отвели место.

Золотая клетка захлопнулась за моей спиной. Закон аманат вступил в свою полную, пугающую и пьянящую силу. И я знала, глядя на широкую спину мужчины, стоящего посреди нашей общей спальни, что моя прежняя жизнь закончилась навсегда.

Я просидела на холодном мраморном полу ванной комнаты больше часа.

Я повернула ключ изнутри на два оборота и осталась сидеть у двери, прислушиваясь к каждому шагу. За этой дверью находилась его спальня. Его территория. Место, где воздух был пропитан запахом его тяжелого, дорогого парфюма с нотами уда и горького табака.

Мой желудок свело судорогой — последний раз я ела перед похоронами, но кусок не полез бы в горло. Я слушала, как за дверью тихо, почти неслышно передвигалась прислуга, накрывая ужин на террасе, примыкающей к спальне. Затем наступила тишина. Звенящая, давящая.

Раздался один короткий, жесткий стук в дверь ванной.

Я вздрогнула, подтянув колени к груди. Мое западное платье помялось, шелк лип к вспотевшей спине.

— Выходи. Ужин подан, — голос Тарика, приглушенный толстым деревом двери, прозвучал без интонаций, но от этого стал только страшнее.

— Я не голодна! — крикнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Оставьте меня в покое! Я не буду с вами ужинать!

Ответом мне была тишина. Я почти позволила себе выдохнуть, решив, что он ушел. Но через несколько секунд раздался сухой металлический щелчок. Щелчок ключа в замке.

Мое сердце оборвалось. Мастер-ключ. Конечно. В этом дворце нет дверей, которые могли бы остановить эмира.

Дверь медленно открылась. Тарик стоял на пороге, огромный, темный, заполняющий собой всё пространство. Рукава его черной рубашки были закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья. Он смотрел на меня сверху вниз, сидящую на полу, сжавшуюся в комок.

Он посмотрел на замок, потом на меня и протянул руку, ожидая, что я встану.

— Вставай, — негромко приказал он.

Я не пошевелилась. Злость внезапно прорвалась сквозь страх. — Вы можете запереть меня здесь, можете забрать мои документы, но вы не заставите меня играть роль послушной наложницы за вашим столом!

Он сделал шаг внутрь ванной. Пространство мгновенно сжалось до размеров спичечного коробка. Я инстинктивно вжалась в холодную стену.

— Я не прошу тебя играть, — его голос стал еще тише, почти гипнотическим. — Я говорю тебе встать и выйти к столу. Если ты хочешь управлять миллионными фондами, научись для начала контролировать собственные истерики, Элеонора.

Это был удар ниже пояса. Удар по моей профессиональной гордости. Я сцепила зубы, оперлась руками о пол и медленно поднялась. Мои ноги слегка дрожали, но я выпрямила спину и вздернула подбородок, проходя мимо него. Жар его тела обдал меня, когда я протискивалась в дверной проем.

На террасе был накрыт стол. Серебро, хрусталь, безупречно прожаренные стейки. Закатное солнце красило небо над пустыней в кроваво-красные тона.

Я села на край стула, демонстративно отодвинув от себя тарелку с мясом. Тарик сел напротив. Он взял столовый нож и вилку. Его движения были точными, хищными. Он придвинул к себе мою тарелку, оставив собственную порцию остывать.

Я с замиранием сердца смотрела, как он, по-хозяйски, не спрашивая разрешения, нарезает мое мясо на ровные, идеальные куски. В этом простом, казалось бы, заботливом жесте было столько доминирования, что мне стало трудно дышать. Он закончил, пододвинул тарелку обратно ко мне и положил вилку рядом с моей рукой.

— Ешь, — приказал он.

— Я сказала, что не...

— Ешь, — его тон стал ниже, опаснее. Он поднял на меня глаза. — Ты будешь ужинать со мной каждый день. Это не просьба. Это правило. Ты будешь сидеть за этим столом, и ты будешь есть. Если тебе нужна война, мы будем вести её сытыми.

Глава 4

Я встретила его взгляд. В черных омутах его глаз плескалась непоколебимая уверенность. Я поняла, что он будет сидеть здесь до утра, если понадобится. Он пересидит меня.

Дрожащими пальцами я взяла вилку и отправила в рот кусок мяса. Оно было восхитительным, но я жевала его, как картон. Эмир удовлетворенно кивнул и принялся за свою еду.

Мы ужинали в полной тишине. Только звон приборов о фарфор. Я механически проглатывала пищу, стараясь не смотреть на его сильные руки, на то, как ходят мышцы под тонкой тканью рубашки, когда он подносит бокал к губам.

Внезапно он достал из кармана свой личный смартфон — матово-черный, тяжелый аппарат — и положил его на стол прямо передо мной. Он разблокировал экран и развернул телефон ко мне.

Я замерла, уставившись на телефон. На нем работала связь, которой я тщетно добивалась со вчерашнего дня.

— Твои ужины со мной — это твое единственное время онлайн, — произнес он, не отрывая взгляда от своего бокала. — Ты можешь читать новости. Можешь связываться со своим заместителем по рабочим вопросам фонда. Но если ты попытаешься отправить сообщение консулу или журналистам... телефон исчезнет.

Он поднял глаза, и я увидела в них жестокую усмешку. Он знал, что я куплюсь на это. Он привязывал меня к себе, делая зависимой даже от глотка информации. И я ненавидела себя за то, что моя рука сама потянулась к черному корпусу его телефона.

Я открыла рабочую почту и написала Джону: «Фонд действует. Завтра свяжемся по проектам». Слово «консул» так и осталось у меня в голове.

После ужина он забрал телефон, а я долго лежала, глядя на полоску света под дверью. Тарик вернулся, когда я уже задремала.

На следующее утро эмир уехал из дворца еще до рассвета. Я осталась одна в огромной, чужой спальне, где каждая вещь кричала о его присутствии.

Я разложила на небольшом секретере документы фонда, которые нашла среди перевезенных из старого крыла личных вещей. Мой мозг лихорадочно работал, пытаясь выстроить стратегию защиты от Валиде в условиях моей изоляции. Серверы охраняли люди Тарика, но Валиде могла добраться до старых копий отчетов и найти повод для проверки. Я перебирала папки, сверяя подписи и даты.

Я вышла в ванную, чтобы умыться ледяной водой. Вернувшись через несколько минут, я замерла на пороге.

Возле секретера стояла служанка. Та самая камеристка из крыла Валиде, которая позавчера принесла мне мое кольцо. Она торопливо, воровато перебирала мои рабочие папки, фотографируя страницы на крошечный телефон.

Кровь бросилась мне в голову.

— Что ты делаешь?! — крикнула я, бросаясь к ней.

Она вздрогнула, выронив телефон, но тут же попыталась схватить одну из папок с финансовыми отчетами. Я вцепилась в папку с другой стороны.

— Отдай! — прошипела я, дернув картон на себя. Девушка оказалась неожиданно сильной.

— Вы здесь никто, иностранка! — выплюнула она мне в лицо, её глаза сузились от злобы. — Шейха Надия уничтожит вас. Вы думаете, эмир Тарик будет защищать вас вечно? Вы для него — просто игрушка на пару ночей!

— Я вызову полицию! — я с силой рванула папку, листы бумаги полетели на персидский ковер. — Тебя арестуют за промышленный шпионаж!

— Полицию? — камеристка зло рассмеялась, отталкивая меня так, что я едва не упала, запнувшись о край ковра. — Во дворце нет другой полиции, кроме воли Валиде. И её воля — стереть вас в порошок!

— Достаточно.

Этот звук, словно удар хлыста, разорвал напряженный воздух комнаты.

Мы обе замерли. В дверях спальни стоял эмир. Пока мы тянули папку каждая к себе, Тарик успел вернуться. Его лицо было бледным, скулы заострились, а в глазах полыхал такой первобытный, ледяной гнев, что воздух в комнате словно вымерз.

Камеристка сдавленно пискнула и рухнула на колени, прижимаясь лбом к ковру, дрожа всем телом.

Тарик вошел в комнату. Камеристка отпрянула, заслонив голову ладонями. Он прошел мимо неё.

Он остановился возле раскиданных бумаг и посмотрел на меня. Мои волосы растрепались, грудь тяжело вздымалась от стычки. Я всё ещё сжимала в руках помятую папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.